

Следует отметить, что в УПК до настоящего времени сохранилась формулировка, характерная еще для советского уголовно-процессуального законодательства: физическое или юридическое лицо, его представитель (наследник) после получения постановления органа, ведущего уголовный процесс о признании права на возмещение вреда, вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в орган, ведущий уголовный процесс, решением которого за ним признано право на возмещение вреда в течение сроков, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (ст. 464 УПК). Указанная норма может истолковываться на практике как наличие у потерпевшего возможности требовать возмещения вреда, а не как безусловного права. С такой позиции нельзя безоговорочно говорить о необходимости внесения изменений в данную норму, но, на наш взгляд, в практической деятельности следует обращать внимание на необходимость разъяснения потерпевшему указанного права, порядка возмещения причиненного ущерба.

Одной из мер, направленных на обеспечение права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, является наложение ареста на счета и вклады в банках и банковских организациях. Для применения данной меры необходимо направление следователями запросов во все банки для установления вкладов и счетов лица, а также наличия денежных средств на них. Данную процедуру нельзя назвать достаточно эффективной, поскольку запросы в большинство банков направляются в бумажном виде, получение ответов на них занимает определенное время, кроме того, не всегда на стадии расследования такая информация вообще истребуется. Объективно востребовано и актуально создание электронной системы взаимодействия с банками и банковскими организациями для оперативного получения соответствующей информации.

Необходимым является выявление имущества и наложение ареста на него (в том числе на автотранспортные средства и недвижимость), обеспечение сохранности имущества. При наложении ареста на имущество в целях обеспечения его последующей реализации в счет возмещения ущерба для его оценки следует привлекать специалистов, поскольку некорректная оценка стоимости имущества препятствует его реализации (при повышенной оценке) либо нарушает права потерпевшего, когда имущество оценивается значительно ниже общепринятых критериев.

Немаловажную роль играет назначение хранителя имущества: если хранителем имущества назначается его собственник, это не всегда обеспечит сохранность; меры по привлечению к ответственности по

ст. 409 УК Республики Беларусь за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, не принимаются. На практике имеют место случаи включения в акт описи и ареста имущества, находящегося по месту жительства обвиняемого, но принадлежащего другим лицам. При наложении ареста на имущество следует определять его принадлежность, истребовать необходимые, подтверждающие ее документы (паспорт, гарантийный талон), устанавливать всех лиц, проживающих совместно с обвиняемым. Несвоевременное выявление транспортных средств, зарегистрированных на имя обвиняемого, позволяет последнему продать либо перерегистрировать их на иное лицо. Также необходимо получить информацию о семейном положении обвиняемого, совместно нажитом имуществе супругов с целью наложения на него ареста.

Таким образом, несмотря на наличие достаточной нормативной правовой базы в части возмещения вреда потерпевшему, существуют некоторые трудности в реализации некоторых норм. В частности, не в полной мере используются полномочия следователя по обеспечению возмещения ущерба. Существует объективная необходимость в разработке рекомендаций, применимых в работе органов предварительного следствия для достижения целей возмещения вреда, причиненного преступлением; разработке алгоритма действий, включающего вопросы разъяснения прав и обязанностей потерпевшему и обвиняемому; реализации мер, направленных на выявление имущества обвиняемого.

УДК 343.1

П.В. Гридюшко

О БУКВАЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

Качество постоянно меняющегося уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в последние годы вызывают все большую критику как со стороны ученых, так и практических сотрудников органов, ведущих уголовный процесс. На протяжении последних десятилетий сложилась тенденция: как только какая-либо норма вызывает нарекания, заинтересованные ведомства вносят предложения по ее совершенствованию. Подобные законодательные инициативы нередко являются малоразработанными, затрагивающими узкие институты (при том что вносимые изменения оказывают прямое влияние и на ряд других норм УПК, изменениям не подвергшимся).

Именно поэтому на проводимых научных мероприятиях нередко доводится услышать мнение, что «хватит каждый месяц менять УПК, давайте попробуем поработать именно так, как в законе и указано, ничего не додумывая и уж тем более не придумывая. Может быть, окажется, что наш УПК не так уж и плох».

Вместе с тем повсеместное единообразное применение УПК, к сожалению, утопично. Несмотря на относительно небольшую территорию Республики Беларусь и количественный состав органов, ведущих уголовный процесс, «местечковое право» все еще существует и процветает, и причина этого не в непрофессионализме практических сотрудников, а в несовершенной юридической технике, используемой при составлении УПК. В результате при толковании его норм возникают ошибки.

В общей теории права толкование правовых норм может быть грамматическим, систематическим, историко-политическим; по объему толкование может быть буквальным, распространительным и ограничительным. В практических подразделениях органов, ведущих уголовный процесс, превалирует грамматическое (иногда – систематическое), а по объему – буквальное толкование. Игнорирование иных видов толкования, считаем, и приводит к различным подходам правоприменителя. Продemonстрируем это на некоторых примерах.

1. Позиция Следственного комитета Республики Беларусь сейчас заключается в том, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого. Мы ранее уже неоднократно указывали на то, что если обвинение рассматривается как утверждение о совершении лицом преступления, то вышеуказанная позиция нецелесообразна. Вместе с тем позиция практических сотрудников основывается на толковании ст. 241 УПК, в соответствии с п. 2 ч. 1 которой в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно быть «описание инкриминируемого обвиняемому преступления с указанием... иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 89 настоящего Кодекса». И действительно, обратившись к ст. 89 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу», мы видим, что п. 3 ч. 1 вносит в предмет доказывания обстоятельства, которые влияют на степень и характер ответственности обвиняемого (в том числе и обстоятельства, смягчающие ответственность). Однако если мы начинаем толковать норму буквально, то надо быть последовательными до конца: абсолютно все обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть отражены в рассматриваемом постановлении. Это относится и к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняе-

мого (п. 3 ч. 1), и к обстоятельствам, подтверждающим, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества (п. 5 ч. 1). Как в таком случае будет выглядеть текст постановления о привлечении в качестве обвиняемого несовершеннолетнего? Ведь по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, предмет доказывания расширен (в соответствии с ч. 2 ст. 89 УПК доказыванию дополнительно подлежат условия жизни и воспитания, степень интеллектуального волевого и психического развития и т. д.). О необходимости фиксации данных признаков практические работники мудро умалчивают.

2. В соответствии с ч. 3, 4 ст. 173 УПК срок проверки по заявлению или сообщению о преступлении может быть продлен начальником следственного подразделения до одного месяца, а в необходимых случаях вышестоящим начальником следственного подразделения – до трех месяцев. Однако можно было предположить, что такая формулировка вызовет споры и неясности в правоприменении, в первую очередь – с точки зрения субъектного состава. Так, нам известны случаи, когда срок проверки продлевался заместителем начальника следственного подразделения до месяца, а до трех – начальником этого же подразделения. И вновь с точки зрения буквального толкования все верно: ведь в соответствии с п. 15 ст. 6 УПК под начальником следственного подразделения подразумеваются как начальники следственных отделов, отделений и т. д., так и их заместители. И если мы рассматриваем заместителя начальника следственного отдела в качестве начальника, продлевающего срок проверки до одного месяца, то начальник этого же подразделения логично является вышестоящим по отношению к своему заместителю, а значит, вправе продлевать срок проверки до трех месяцев! И все это упирается в буквальное толкование, вместо того чтобы задуматься о причинах появления данной нормы, о том, какие правоотношения она регулирует и каким образом должны осуществляться процессуальное руководство расследованием, контроль и надзор за его проведением. Историко-политическое толкование отходит на второй план. Интересно, что похожая норма, предусматривающая порядок продления сроков предварительного расследования, содержит иные формулировки: срок предварительного следствия может быть продлен начальником следственного подразделения до трех месяцев, а начальником вышестоящего следственного подразделения – до 6 месяцев. И здесь кроется главный подвох: есть ли разница, какой термин использовать? Вышестоящий начальник и начальник вышестоящего следственного подразделения – одно и то же или нет? Что же хотел сказать законодатель? Или просто допущено нарушение юриди-

ческой техники и терминология ст. 173 УПК (а интересующие нас изменения и дополнения были внесены в нее в 2011 г.) не согласована со ст. 190 УПК?

3. В практической деятельности имеются и случаи критического отношения к протоколам допросов, что обосновывается «нарушением порядка проведения данного следственного действия». При более детальном рассмотрении этого «нарушения» выясняется, что показания лица начинаются фразой: «По существу поставленных вопросов свидетель показал следующее». Отметим, что указанная фраза десятилетиями находилась в бланках протоколов допросов и ни у кого не вызывала возражений. И вот внезапно мы сталкиваемся с точкой зрения о том, что такая фраза незаконна, поскольку противоречит положениям ст. 217, 218 УПК, где, в частности, указано:

«допрос начинается с предложения рассказать об известных допрашиваемому лицу обстоятельствах уголовного дела» (ч. 3 ст. 217);

«по окончании свободного рассказа допрашиваемому могут быть заданы вопросы, направленные на уточнение и дополнение показаний» (ч. 4 ст. 217);

«показания записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место при допросе» (ч. 1 ст. 218).

По мнению отдельных правоприменителей, фраза «по существу поставленных вопросов свидетель показал следующее» указывает, что допрос был проведен с нарушением требований УПК, так как начался не со свободного рассказа, а сразу с вопросов следователя. При этом, как показывает практика, немногие свидетели могут сразу, внятно и по существу изложить в форме свободного рассказа известные им обстоятельства. Нередко весь свободный рассказ свидетеля (потерпевшего) сводится к следующим фразам: «Возвращался вечером домой и вижу – драка. Я сразу вызвал милицию». С этого момента начинаются уточняющие вопросы следователя: откуда возвращался, что видел конкретно, кто зачинщик драки, кто сколько ударов кому наносил, кто что говорил или кричал, как выглядели участники драки и т. д. Каким же образом тогда должен выглядеть протокол допроса? Мы не должны забывать, что протокол допроса и стенограмма – это различные понятия. А буквальное толкование УПК приводит к тому, что от следователя требуется дословная стенограмма, в которой будет одно-два предложения свободного рассказа и 20–30 вопросов и ответов. Такие протоколы допроса явно не будут способствовать повышению качества расследования в силу их запутанности, рассогласованности, следовательно, возникнут сложности в их восприятии.

Примеров буквального толкования уголовно-процессуальных норм можно привести бесчисленное множество. Немало среди них и таких, которые при ближайшем рассмотрении будут выглядеть абсурдно (ни в коей мере не следует путать этот тезис с одним из используемых приемов толкования правовых норм «доведение до абсурда»). Здесь на помощь должны приходиться иные способы толкования. Каждый из приведенных примеров должен быть оценен с точки зрения причин появления указанных норм, их исторического содержания, практики применения и целей уголовного процесса. При этом большую роль должно играть и совершенствование юридической техники УПК. Если не только на практике, но и у ученых-юристов возникают вопросы «что же имел в виду законодатель?» (а нередко широкая юридическая общественность даже не владеет информацией, в УПК, и действительно ли он вкладывал в норму именно такой смысл, либо же просто не придал значения формулировке), законодателю следует аккуратно и четко прописывать каждое слово.

УДК 343.98

А.Я. Гучок

АРГАНІЗАЦІЙНІ ТА ТАКТЫЧНІ АСАБЛІВАСЦІ ПРАВДЗЕННЯ ПЕРШАГА ДОПЫТУ ПАДАЗРОНАГА

Праблема неадпаведнасці звестак, якія прадстаўляюцца грамадзянам і ў тлумачэннях, пратаколах допытаў у якасці сведак, а таксама ў яўках з пакааннем, той інфармацыі, якая зафіксавана ў пратаколе першага допыту, праведзенага з прыцягненнем тых жа грамадзян ужо ў якасці падазроных, да цяперашняга часу застаецца актуальнай.

На нашу думку, рашэнне дадзенай праблемы магчыма ў рамках дзеючага заканадаўства пры далапамозе ўдасканалвання арганізацыі расследавання на першапачатковым этапе, галоўным чынам шляхам павышэння эфектыўнасці ўзаемадзеяння супрацоўнікаў органаў даследавання і папярэдняга следства.

Змест і характар звестак, якія адлюстроўваюцца ў тлумачэннях, яўках з пакааннем і пратаколах допытаў у якасці сведак, могуць быць абумоўлены наступнымі фактарамі:

выражаным абвінаваўчым ухілам у працы службовых асоб органаў даследавання пры адабранні тлумачэнняў і прыняцці явак з пакааннем;